

РОМАН РОЛЛАН МЫ ЖИВЕМ В ЭПОХУ ГЕРОИЗМА...

На днях критик А. М. Лейтес посылал письмо во Владивосток от Романа Роллана.

Примая к письму очерк, посвященный немецкому коммунисту, погибшему в фашистском застенке, великий французский писатель пишет:

«...Мы, несомненно, живем в эпоху героизма, когда героика, словно электричество, насыщает атмосферу. «Новый Шутарх» в том смысле, в каком вы его трактуете, может стать аккумулятором этой энергии для грядущих эпох...»

...У немецких эмигрантов уже возникла идея написать книгу, посвященную биографиям их героев. Я написал об одном из таких малоизвестных героев — о Франце Штенцере, человеке очень скромном, который без шума отдал свою жизнь за пролетарское дело. И высылка вам эти странички, и если вы найдете их полезными, опубликуйте в советском издании.

Сила убеждения проверяется готовностью к жертвам. Коммунизм блестяще выдержал испытание жизнью. Под топором Гитлера и его нападкам коммунизм породил столько мучеников и героев, сколько никогда не породила ни одна религия. Победим их окровавленные тела. Мы на их останках возведем храм нового общества, выстроим новый Пантеон.

Я привнесу в этот Пантеон воспоминание об одной из тех многочисленных жертв, которые доказывают необходимость истинности своего идеала; пожертвовал своей жизнью как волевым в жизни высоким и прекрасным, как об этом пишет в своем последнем письме 37-летний боец, которому посвящены эти строки.

«Бороться и страдать, жертвовать собой и различать в себе мужество и собственное «я», — это величайшие силы, лишь это способно придать жизни смысл, лишь для этого стоит жить...»

Звали его Франц Штенцер. Он писал эти бессмертные строки в тюремной камере, в промежутке между пытками, неважно до своей смерти, к которой он был готов, ибо он знал: «Если меня возьмут, мы больше не увидимся, Фрэнки устраивают все!»

Это был человек простой и прямой. Он ничем не отличался от своих товарищей по убеждениям и товарищей по смерти за эти убеждения. Именно поэтому он будет их свидетелем перед судом истории. Лучшее, что было в нем и в его жизни, запечатлено в этих цитированных мною строках, которые мне бы хотелось видеть когда-нибудь выгравированными на их памятнике.

Он родился в Мюнхене в 1896 г. в глубокой нищете. Очень рано освободившись от всех школьных предрасудков, он с молодых лет примыкает к рабочему движению и сражается в 1917 г. в рядах красных революционных моряков, а в 1919 г. — за Баварскую советскую республику. Он работает первым строителем на верфи Шторберского озера, затем в железнодорожных мастерских. Ему не было еще и 24 лет, когда железнодорожники избрали его делегатом в советский совет. Вскоре после этого он стал руководителем работником коммунистической партии. Своим политическим образованием он закончил в высшей партийной школе.

В ближайшие годы после окончания школы он был избран муниципальным советником Пазинга в Мюнхене, а затем депутатом в баварский ландтаг. Вся Южная Германия знала его имя и оставалась ему верна и после его смерти: несмотря на крупные полицейские силы, стянутые к

кладбищу, 500 товарищей проводили к могиле его похороны.

Его изображает спокойным и расчужденным человеком большой доброты к близким и друзьям; несмотря на бесчисленные трудности и на нищету, он сохранял до конца могучую веру в жизнь: когда, например, у него родились близнецы, он, смеясь, говорил: «Одним человеком больше, — это во всяком случае нечто хорошее».

Он был арестован 30 мая 1933 г. и помещен в районное отделение штурмовиков на Штрассе (Мюнхен), а оттуда переведен в концентрационный лагерь в Дахау... Стоит ли говорить о тех гнусных насилих, которыми его, как и столько других, подвергали с каким-то методическим зверством изо дня в день, начиная с ночи? Я сорвался при одной мысли об этом. И я не могу простить предательство этих «честных людей» во Франции, которые на похвальном, конечно, желании сохранить мир — превращают этот мир в бесчестье, болящую отворачиваясь от жертв, притворяясь, что ничего о них не знают, и не обращая внимания на окровавленные руки убитых...

Три месяца пыток. А после пыток — обычные полные предложения покончить жизнь самоубийством: ибо эти малодушные не останавливаются ни перед каким преступлением, останавливаясь перед публичной ответственностью за преступления. Как известно, начальник этих убитых осмелился публично заявить одному французскому журналисту, послушно записавшему это заявление, что его режим не стоит Германии «ни единого копейки».

Но жертва стойкости продолжала жить, и ее востанки пришлось убить. Пришлось это однажды ночью, в лесу, неподалеку от лагеря, проносясь согласно обычаю, установившемуся у убийств Либкнехта, т. е. под предлогом бегства. Хорошо еще, что убитый не надумал пока смыслаться на то, что они подвергли нападению!

Что выжили убийцы? Простому и прямому человеку, честная работа которого осталась бы, вероятно, безмятежной, они, вместе с могойгой, открыли путь к бессмертию. Они подняли авторитет идеи, для служения которой лучше идти на страдания и на смерть.

Я дописывал эти строки, когда увидел в «Дэфанс» — органе французской секции МОПР — портреты трех левых Штенцера, воспитывающихся сейчас в СССР, в детском доме имени Сталинской.

И я вспомнил последнее письмо их отца, в котором он, без малейшего страха за себя, беспокоился лишь о жене и о детях. Он сокрушался при мысли о том, что тяжелей судьба выпадет им, быть может, на долю; он с болью в сердце представлял их себе погнутыми и бездомными, страдающими по чужим семьям... Как бы он был благодарен, если бы мог видеть, что они приняты в великую международную семью детей, родителей которых терпеливо и героически страдали для грядущего счастья человечества!

...Что же касается этих трех невинных девочек с круглыми лицами и глазами, в которых еще светится тревога, навеянная трагическими теньями прошлого, то пусть они знают цену завешанного им почетного наследия! Пусть они всю жизнь о гордости и волевым вспоминают последние слова Франца Штенцера:

«Передайте моей жене и детям, что я сдержал слово: любовь и верность ей, детям и рабочему классу.»

Перевод с французского
З. ЛИТАУЗР

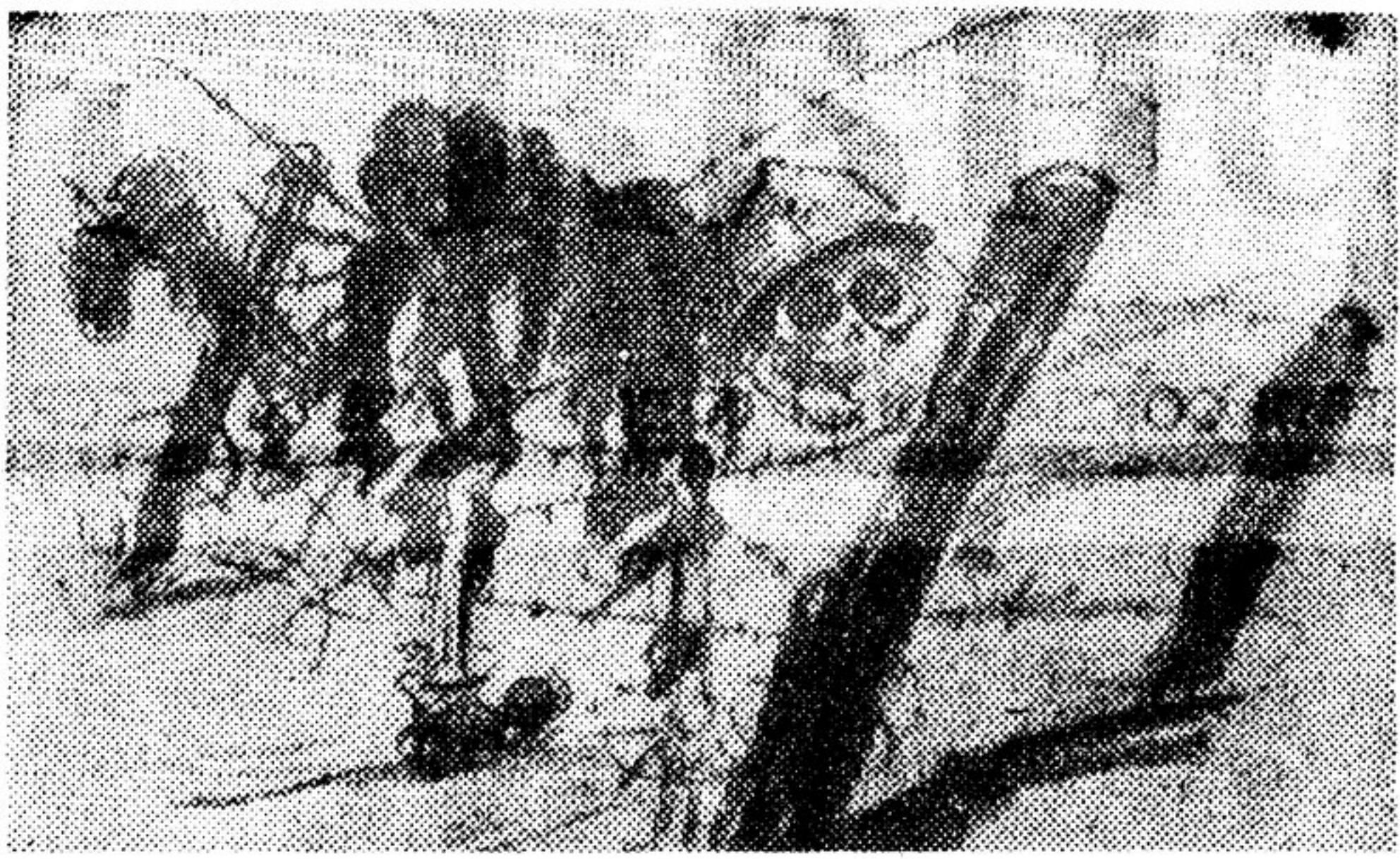

Рис. худ. Кейлл

Сироты войны ГАСЕМ ЛАХУТИ

Добродушны вы были, милы и приветливы, Временами лукавы, наивны порой. Головки вы колочены, лица обтертены... Как живые, стоите вы все предо мной. От зари до зари неустанные слезы, Беготня и борьба, звонкий посвист и смех, И подлая, подогранный вами из жалости, Я, свидетель безомный шумливых потех. Чуть прожойки к убеждению вашему сунется, Замолчите вы тотчас, улыбки согнае. Смотрите, этот заплачет, а тот пригорюнится... Ни одной не забыл я из ваших забав.

Я в жару любовался на вас с наслаждением: Среди вас были дети всех стран и племен, Курдов, турок, болгар и евреев смещенные, Интернациональное братство имевшие. Вы во всех закоулки земли принителые, Был несчетен в Стамбуле голодный ваш рой. Человеческих мыслей и чувств обладатели, Как ценят, задуши вас общественный строй. Гибки юные силы, достойные творчества, Что могли бы так много постичь и суметь. На убогое, горькое ваше отрочество. Неотступно охотились язы и смерть.

Целый месяц болной, распротертый на улице, Я у вас для добычи приманкою был. Все же век ваша лапа душой не забудется, Не погаснет в груди благодарности пыл. Жито помню, из банки консервной, заржавленной Вы горячим поили меня молоком... Не выгадывая след, в зрми сердце оставленный Вашей нежной заботой и добрым смехом. Будто в'ялая преда мною картина та ожила, Как в бреду выша товарищ один умирая. А другой у его изголодавшийся, встревоженный, Тщетно в рот ему хлеба кусочек совая.

Было грустно и сладко смотреть, как старательно Грива голову брив Мухетдином стеклом. И, любящий любовью такой замечательной, Думая: их отцам услышать бы о том!

Тем далекий отцам, что в чалу, ослепленные, По приказу врагов цепят в братьев своих, По вине чей так горестно в ночи бессонные Стонут жены и матери о дорогах. Эти дети, что дружку хранят благодарную, Словно братья в семье нераздельной одной, — Сынотва тех отцов, что за «веру» и «родину», За проклятые басы кидаются в бой.

Эти дети, что с жаром таким безыскусственным Краем стемляшка темя друг другу сребруют, — Сынотва тех отцов, что железом бесчужественным Колют, режут друг друга, и гонят, и бьют. Тех отцов, что под стягом единым создатели, Всподу плечи с плечами должны бы сомкнуть, А теперь для наживы своих угнетатели. Поражают, безумцы, товарищи в гоуд... Эти мысли кружились в мозгу чуть мерцающей, Я метался, и лоб мой сильнее пылал. Но порою, селая виденьем сверкающим, Сон мой нежизненно коммуны родной насадал. И свершился, стал явью мой сон ослепительный. С той поры прошело четыре года лет. На шестой части мира стал Труд победителем И народным правителем — славный Совет. Стерт рукою Труда след бывшего уродливый, Сникли черные тени господ и царя. Всем принот здесь готовят хозяин заботливый, — Не бываешь бесприютным в стране Октября!

Одиноком убежище тут не развалины, Не на улице жизни их угрюмая ждета. Покровитель им — партия Ленина-Сталина, Им пристанище — школа, совхоз и завод. О, когда б из Стамбула на крыльях мгновения В том же возрасте перенеслись вы сюда. Пионерами были б вы все, без сомнения, Здесь, на родине славной науки и труда. Вместе с нами бы тут и трудилась вы. Чтобы ленинским светом весь мир озарить, Мир меняя, и сами бы здесь изменялись вы. Возвращенные к жизни и счастью творить.

В мире новом у нас поколения юные Не зависят от жизни и смерти родных. С неуныною матерью — мощною Коммуною Ни одна не погибнет из сил молодых.

Перевод БАНУ

Культурное наследие — оружие борьбы за будущее

РЕЧЬ тов. И. ЭРЕНБУРГА
НА ЗАСЕДАНИИ СЕКРЕТАРИАТА «МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ ЗАЩИТЫ КУЛЬТУРЫ» В ЛОНДОНЕ

— Я должен был выступить на пленарном заседании докладом о культурном наследии. Меня попросили уступить слово г. Уэлсу, что я охотно и сделал. Я полагаю, что г. Уэлс пришел к нам, чтобы работать с нами. (Смех). Впрочем, я никак не жалею о том, что уступил слово г. Уэлсу: судная его, я многому научился. Мы все сторонники широкого объединения писателей. Однако г. Уэлс напомнил нам, что даже самое широкое объединение имеет свои границы.

И хочу поблагодарить Эллиса Роберта, который с таким волнением, с такой искренней скорбью говорил о смерти Максима Горького. Мы все полны сейчас свежим чувством этой потери. Может быть, если А. М. Горький был бы сейчас здесь среди нас, многое в наших спорах о культурном наследии стало бы яснее.

Новолюбо я сопоставляю живую веру Горького со скептицизмом Уэлса. Горький работал с нами, как друг, как товарищ, как равный. Г-н Уэлс пришел, чтобы сказать нам: «На что вы возлагаете? Несколько дней назад г. Уэлс в интервью сказал, что он сомневается о том, что не понял Горького. Как бы не пришлось Уэлсу вскоре выступить с новым заявлением — о том, что он не понял всего дшиения современной литературы.

Г-н Уэлс с великодержавным презрением говорил о «каких-то чехословацких писателях». Я полагаю, что присутствующая здесь делегата Чехословакия ответит г. Уэлсу. Мне хочется указать г-ну Уэлсу, что нет ни малых народов, ни малых литератур. (Аплодисменты). Не статистика народонаселения определяет художественные возможности народа, но его подм, волнение, исторический пафос.

Г-н Уэлс позабыл нас анекдотом о трех портных, которые посмели говорить от имени империи. Он оравнил нас с этими тремя портняжками. И не оскорблен его сравнением. Когда-то на даче Горького тоже собралась «три портных». Может быть, они были не портными, но металл, они были сановниками или типографами. Прошло несколько лет, и эти люди стали о полнм правом говорить от имени великой страны, которая до того называлась «Россией империи». Их признали и де-факто и де-юре. Так что лучше, г. Уэлс, с меньшим презрением говорить о трех портных. (Аплодисменты).

Вопрос о работе над энциклопедией следует обсуждать не только на столь широком собрании, но и в рабочих комиссиях. Мы должны здесь установить только некоторые принципы. Они тесно связаны с проблемой культурного наследия. Если я стану сейчас говорить о том, с какой любовью, с каким вниманием относится моя родина к охране культурного наследия, — надеюсь, это известно всем. Наверное также, что теперь заняты уничтожением наследия. Дело не в культурном урочне. Среди русских рабочих до октября 1917 г. было немало таких, которые никогда не слышали имен Пушкина или Шекспира. Я допускаю, что в Германии имеются фашисты, которые похотом повторяют своим возлюбленным стихи Гейне. Дело не в стиле повествования, но в мировоззрении. Фашизм не выносите отрицательных историй, как больше склерозом не выносит горногорючка. Что такое фашизм, как не попытка остановить ход времени, продлить неустойчивое равновесие? Люди, которые боятся будущего, не смеют задуматься над прошлым. Понятие прогресса несомненно с их правом на существование. Мы живем будущим, и поэтому прошлое для нас не вражеский стан, не зачумленное кладбище, но поле для работы.

Нам не по пути с фашистами, которые уничтожают культурное наследие. Нам также не по пути с теми, которые равнодушно его регистрируют. Многие отдают меня от Жюльена Бенда, но я горячо приветствую его выступление. Он защищал право на отбор, право на отказ, в этом и есть творческое усвоение культурного наследия. Я вспоминаю двух турок во флорентийском музее У. Ф. Фиджи. Одна держала в руке «бед-

кер» и читала: «Портрет Бронизо — звезда, мадонна Боттичелли — две звезды». Другая отвечала: «Здесь». Тогда та, что держала «бедякер», карлишком ставила крестик: все в порядке. Она даже не подымала глаза, чтобы взглянуть на картины. Она верила и наслаждалась. (Смех).

Не кажется ли вам, что огромное большинство представителей господствующего класса, включая сюда академиков, историков искусств, профессоров, походи на эту даму о «бедякером»? Они тоже проверяют, на месте ли все достижения человечества, отмеченные звездами.

Для них все в прошлом равноценно: это психология коллекционера, но не творца. У каждого писателя своя тема, своя тема и у каждой эпохи. Мы равнодушно проходим мимо одного, с негодованием отрицаем другого, включаемся в третьи. Конечно, романтики прошлого века, писатели по Испанию, замечали нишета Алдальдо и Эстрамадуры. Но подлая в живописном, то есть непривычном для них, окружении, эта нишета их умалила. Для них нишета Муральо были реальностью, а лохмотья на бахроме — высоким искусством. Там, где они авторизировали, нам хочется светить.

Люди моего возраста присутствовали при переценке многих ценностей. Мы ушли от Греко к Голе, от Малларме к Рембо. Мы все берем, но мы далеко не все любим в культурном наследии человечества.

Понятие наследия как-то незрело связывается с буржуазным представлением об образовании. Поэтому мне хочется сказать, что иногда лучше упростить долги, нежели капиталы. Говоря «долги», я думаю об обязательствах мыслителя или художника по условиям эпохи невыполненным им до конца.

Разрыв не исключает преемственности. Маяковский начал с отрицания. В поэзии символизма, абстрактной и бесплотной, он внес вес, густоту поэтических деталей. Он создал новую поэзию. Конечно, он не мыслил без народной поэзии, без Пушкина, но в момент авачтия художественного произведения художник должен отвергать все искусство, существовавшее до него.

Я приведу пример из другой области. Многие либеральные буржуазные юристы утверждают, что новая Конституция СССР представляет деформированное переиздание старой буржуазно-демократической конституции. Они занимаются сопоставлением то-

го или иного параграфа. Мы никогда не отрицали нашей преемственности с лучшим, что внесло в жизнь третье сословие. В этом, как и во всем другом, мы резко расходимся с империалистическими алементами корпоративного государства. Для нас Французская революция не «заблуждение человечества», а XIX век — не «глухой век». Сравывая «Декларацию прав человека» с новой конституцией Контигугиней, можно увидеть, как отталкиваясь от буржуазной конституции свободы человека, мы пришли к новому, более высокому уровню этой свободы. Мы отрицаем право на собственность, поскольку оно означало право на эксплуатацию. Тем самым мы смогли установить новое право, это — право на труд, которое не знает, да и не может знать никакой конституции классового общества, это — право на творчество. Отказ от признания установленных до того прав помог нам создать новое, куда более совершенное право.

Наша энциклопедия должна дать прошлое, освещенное по-новому; а этом все значение нашей работы. Мы должны внести в нее подлинную страсть. Великая энциклопедия сыграла огромную роль в деле раскрепощения человечества, потому что она рождена страстью. Ее тома звучат, как прокламация. Эта страсть является основой: таков был тонус эпохи. Так называемый холодный разум, реализм, скепсис были тирами, которыми буржуазные волюнтаристы разрушили средневековые твердыни. У нас другие цели, другие дуготы, другое оружие, но в наше дело мы должны вложить то же неистовство.

Культурное наследие не крепость, которую надо защищать. Это арсенал, это оружие, — оно нам помогает в нашей борьбе за будущее. (Аплодисменты).

О культурном наследии теперь говорят все: и мы, и почтенные академики, и даже те, кто во имя этого культурного наследия сжигает книги и сажает писателей в концлагери. Эти разговоры неспроста. Прошлой зимой везле Иллия я видел рабочих, которые отстаивали фабрику от владельцев капитализма. Совет фабрикантов, желая подкупить машин на текстиль, решил продать фабрику на лом. Рабочие этого воспрепятствовали. Вот наши соотечественники в деле защиты культуры. Вот те наследники, которым предстоит унаследовать культурные ценности человечества. (Аплодисменты).

Рисунок худ. Лимбах — «Готов к миру»

ДВАДЦАТЬ ДВА ГОДА

Вс. ВИШНЕВСКИЙ

Двадцать два года тому назад, в первые дни августа, началось мобилизация десантных контингентов наиболее здоровых, крепких и обученных мужчин Европы. В первые же дни было мобилировано до 15—20 миллионов запасов первой очереди. Россия подарила сразу миллионы. Пять тысяч солдатиков перебрались по этой патристической стране, сквозь весь материк Азии и Восточной Европы. Эти люди никогда не уйдут из памяти. Обычно железнодорожное движение было парализовано везе — у нас и в Европе. Пассажирские поезда были переведены в туннели. Там же мычав перевозимый скот. Было жарко, нехватало воды, фуража. А рядом с каждым станцией, сквозь узловые пункты шли допущенные эшелоны, которые без усталки гремяли «ура». Восточные бирские стрелковые бригады, поднятые по мобилизации 13 июля старое стипля и двинутые на запад, гремяли «ура» весь август, весь сентябрь, весь октябрь. Эшелоны шли тяжело, медленно. У людей были сорваны волосы. Офицеры и фельдфебеля уже спали. Эшелоны проламывали себе путь в Варшаве, чтобы на сибирской штыковой шестине остановить гитлеровский удар на Варшаву. У сибирских стрелков хватало дыхания дождаться до боев у Лодзи и у Вязлы.

Двадцать два года спустя я был на местах этих боев, чтобы поклониться людям, которые насвеса закопали там, похоронив русских и немецких солдатиков. Ничего не осталось на месте этих боев. В новом жестоком, одностороннем приступе правительства Польши приказало начисто истребить малейшие следы памяти русских, немцев и всех иных. И это сделало не только, что следы войны — старые, перекопанные блиндажи, окопы — могут тревожить и советских людей. Если бы это было так...

полны военных. В субботний день школьная гимназическая молодежь в холщевых зашнурованных рубашках с рюкзачками и с пистолетами идет в поля. И там люди, с призывными, делают перебежки, стараются перехитрить друг друга, лезут в болота, в воду и вьюны, везе двадцать два года тому назад, орт и хрипит в самообнажении «ура». Война наложилась ненадгаанным отпечатком на мысли, на быт всего человечества. Под ружье было призвано свыше 50 миллионов мужчин: в Европе, Азии, Африке, Америке и Австралии. На их было убито 10 миллионов. Все остальные были так или иначе покорены физически или морально; что хуже — не знаю. Во Франции сейчас полтора миллиона кадет, полтора миллиона инвалдов. Они стоят у дверей музеев, сидят в табачных лавочках, открывают двери на заводах — иногда рукой, иногда ногой, в зависимости от ранения, просят милостыню... В одном из лесов Франции, в деревне, я увидел человека. Он в'ехал в лес на тяжелой фуре, соковыи махал, а из-под махалы влетало, от дестерной боли. Он пошел к дереву и начал возиться около него. У этого человека не было одной ноги и двух рук. Он работал корупу-сом тела и протезами. В лес приближался потом его ребятишки. У этого инвалда было достаточно сил, чтобы жить, работать, любить. Разговор с этим человеком останется в памяти, как некий этот той войны, и как разговор каплуна новых войн. Что-либо объяснить, в чем-либо убеждать комбатанта, у которого сохранилась только одна нога, мне не пришлось. Он прожил ту же жизнь, что и я, и мы думали и говорили одинаково: «Война будет?» «Да». «Но другая?» «Да».

Силы, противостоявшие войне, в Европе пропали. Они рождались в тот же день, в тот же час, в тот же год 1914 года. Эти силы оставались даже в виде колоколов, залитого сырмю подпольным светом памятника Юрессу в парижском Пантеоне. Гид коротко говорит об этом человеке: «Он был против войны». О войне говорят, как о большой ошибке, о каком-то трагиче-

ском недоразумении. Есть люди, которые вообще отказываются вспоминать о ней. В Париже в день 1 мая на экранах показывали гитлеровские парад и — в ответ веселые бульварные парад, на которых торгуют флажками и дьявольскими. Люди хотят мира, покоя, труда, довольства. В Англии был проведен референдум, его устроила одна общественная организация. За исключением военно-профессиональных убит, «ясников», торговцев оружием и некоторых застарелых, больных печеню людей, — все голосовали за мир.

Но мир достается — и он достается — дорогой ценой. Эта жалкая, но смутная, неформальная тяга к миру, выражаемая как пацифизм, то как лживый протест, то как активный, но малодейственный групповой протест, не сможет остановить приближения новой войны. И видел, как гиттинически действуют грубые милитаристические кадры гитлеровских парадлов. Тут противостоят лживым смехом. И огромные еврейские массы с их титой на березке, к улетам, к ладьям, представляя передо мной как несчастное, трагическое собрание. Их так быстро и ловко аккупират в эшелоны, пошлет на новые фронты, что они даже не успеют опомниться. Это будет так, если не вмешается революционный пролетариат. Вот о нем и его роли надо говорить стократ. Надо идти и видеть, реально и поинимать, изучать каждое движение, действительное движение и выступление против войны на Западе.

Силы, которые поднялись на Западе против войны, против человеконравности, огромны. Сама война родила такой протест, который нами еще как следует не уяснен. От первых выступлений большевиков в Коучур-стейвен Даме, через протест Либкнехта, к книге Барбоса «Юны» к зарождению «Снаряжка» к братанию — шел этот протест, развивавшийся ударом, от которого мир свивнулся со своих старых осей.

Война родила особую литературу — военный роман и военную пьесу. Вой-

на родила новый вид искусства — новую острую кинематографию, полную раздумья, гнева, поносок. По-разному в ряды этого нового искусства, рожденного протестом против войны, входили люди разных возрастов, разных дарований, но люди единой судьбы. То это были французы, то это были англичане, то это были немцы, то — русские. Имена авторов крупнейших произведений у всех в памяти.

Они, как Барбос, находили ленинский выход из длительной, грязной человекоубойной работы. Другие, как Роллан, выхватили к совети и чистоте. Третий, как Ремарк, Селин или Ольддигтон, травмированные, шаркавшие в ужасе от всего происходящего и летели куда пошло, как новобранцы, впервые попавшие под зрапательский огонь. Как испуганные старые солдаты, которые знают, как использовать каждую складку местности, выступили писатели новой страны. Это была Россия, советская Россия, первая прекратившая старую войну и превратившая ее в защиту основных человеческих прав. Мы не принимали, мы обрасывали литературный и политический скудж, испу- шкурный пацифизм и озлобленное наплевательство по отношению ко всему окружающему. Мы, советские писатели, каждой своей строкой, от первых газетных строк времени войны и 1917 года, говорили о том, что для людей есть выход, и мы оказались правы, правы во всем, от начала до конца.

У нас отсутствует та пытливая, широкая, жалкая, знающая критика, которая могла бы охранять единство советской литературы и единство воздействия этой литературы на мир. У нас нет критики, которая показала бы, как советская литература превратилась в бой и выиграла сотню побед — здесь у нас, и на Западе, и в Америке. У нас нет критики, которая показала бы, как наша литература, начав свое движение, пошла в след за собой и кинематографией, и как в сложном мировом процессе взаимодействия наши слова, звуки, плен, приемы распространились по всему миру.

На Западе, рассматривая одну сторону общественной жизни за другой, проинкля то в группой, то в новорожденные Дома культуры, то в пар-

ламенты, то в театры, то в возмозрастные салоны и пр. и пр., видящие, ощущающие непрерывность воздействия нашего бытия, нашей системы, наших идей на зарубежный мир. Мы могли бы сделать гораздо больше, если бы все вспомогательные средства — издательства, литературные агентства, кинопреемственность, редакции, переводчики, конторы, почта — действовали бы с такой же горячей динамической устремленностью, с какой существуют творческие советские организации. Мы, авторы, не равном устремлении и приложении сил. Мы могли бы делать в десятки раз больше, если бы советские книги, песни и фильмы распространялись активнее, чем это делают наши вспомогательные распространительские организации. Если рядовые наши рабочие, такие, как, например, Стаханов, могут внезапно, продумав необходимость предельного напряжения сил, давать мировые результаты, то почему угромо и тускло в (некоторых) наших издательствах, предствительствях и т. д.? Ни я, никто из нас не могут объяснить, почему сейчас, в острое, напряженное время, в дружественной нам стране — в Чехословакии, которая будет делить с нами многое в жизни, — на экраны — 130 немецких фашистских фильмов и только 4 советских.

На Западе фашистами в ход пущены все средства, вплоть до святотатственных, для того, чтобы замолчать войну, приравнять ее, избравши ее как необходимое санационное средство. Немецкий агитационный аппарат работает с напряжением, которое оставляет позади любые повоеватели левых времен. Им служат постеры, плакаты, радио, театр, литература, Кинофильм, рынок, песни, экраны Сванландии, Ирландии, Польши, Чехословакии, Австрии, Швейцарии, Дании, Голландии, Италии и пр. людьми этой восприимчивой, ядовитой немецкой пропаганды. Она лживыми средствами поверачивает дело в сторону новой войны. То это вечная кинооперета о престоли военных и войны, то это слезоточивый фильм об итапо-германской дружбе, то это подбравшая хроника, то это бесконечные мстительные рассказы немецких офицеров.

Немецкая литература и другие ве-

дут свои работы в самые отдаленные рабочие клубы и дома Франции. Так повсеместно, иногда незаметно, вводит малозаметно растет движение против войны, против фашизма. Ключ «за мир» становится ключем народов Франции и Испании. Люди, которые хотят «сидеть в тени у тихой речки», у лаванды, должны выбрать, каким образом охранить свой покой, потому что «спящие» могут быть растоптаны фашизмом ко всем чертям. В каучу несняных боев и в разгар их передовые деятели культуры и искусства на Западе принимают значительные решения. Там на наших глазах рвется многие давние связи, идет перегруппировка сил. Один лагерь выстраивается перед другим. Это ощущение строящихся масс, ощущение глухого гула, образ пыли над толпами, необорзкими толпами Европы, не подкупает вас, когда вы видите Западную Европу. Найдутся и люди, которые побегут в кусты. Будут измены и предательства. Но гигантские человеческие массы, силы для которых фашизм это — вечная война, солдатына, озверение, — выступают в защиту своих прав, вкусов, потребностей, привычек.

Сроки решающих испытаний приближаются. Ряд вещей нам нужно вывернуть, яснее и отчетливее увидеть цели и маршруты в своем творчестве. В наших рядах есть люди, о многом заблывшие. В наших рядах есть люди облебенные. Их надо встряхнуть, им надо напомнить об их обязанности. Советская литература должна идти к 1937 году как знаменосец мировой литературы. В предвидения войн борьбы нужно, чтобы каждый глубоко, внутренне себя проверил. Нужно, чтобы каждый писатель, каждый творческий работник нашей страны по-настоящему приоткрыл себя к задачам обороны. Старшие пусть подумают о том, что новые испытания будут еще серьезнее, чем те, которые были 22 года назад. Молодые пусть готовятся принять подлинную порцию житейской нагрузки, перед которой даже их бытовые и лидераторские дела покажут совершенные незначительными.

НА ТЕМЫ ВОЙНЫ И БОРЬБЫ С ФАШИЗМОМ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Тема империалистической войны на протяжении последних двух десятилетий — одна из наиболее острых и волнующих тем в литературе, особенно в литературе Западной Европы. В эту тему вложено много талантливых произведений. Некоторые из них завоевали большую любовь и популярность среди советских читателей.

Широко известна нашему читателю книга Анри Барбюса «Огонь». (Последние издания — «Academia» 1935 г. и Госиздат 1936 г.).

Большой популярностью пользуются также книга Гашека «Приключения бравого солдата Швейка во время мировой войны», переиздаваемая в настоящее время для массового читателя Лениздатом.

В ближайших дни выйдет книга французского писателя Ж. Гено «Дневник сороклетнего еврейца». (Госиздат, Тираж 20000).

В своем предисловии, обращенном к советскому читателю, Гено пишет: «Ленин был прав, рассуждая на нас, когда в декабре 1914 года говорил, что общий долг едина превратить войну империалистическую в войну гражданскую».

На наиболее значительных произведениях о мировой войне писателей, до сих пор стоящих «на стороне» от классовых борб, следует указать на недавно вышедшую отдельным изданием книгу Ремарка «Возвращение» (Госиздат, 1936). До издания печаталась в журнале «Знамя», 1934 г. № 7).

Империалистическая война, как страшное преступление, как разложение империи буржуазной «цивилизации», очень убедительно показана в романе английского писателя Ричарда Олддингтона «Смерть героя». (Госиздат, 1935 г., второе издание).

На находящиеся в печати антивоенные произведения следует указать на роман Хемингуэя «Прощай, оружие!», отражающий жизнь итальянского фронты во время империалистической войны. (Роман печатался в журнале «Знамя», 1936 г., № 5 и 6) и в журнале «Интернациональная литература» (1936 г., № 7).

Книги о фашизме и о борьбе с ним всевозрастают в нашей переводной литературе все больше и больше места.

За последний год советский читатель получил возможность ознакомиться с наиболее интересными художественными произведениями антифашистской литературы.

О тяжелой борьбе германских коммунистов, полной самоотверженности и героизма, рассказывают: роман Вилли Бресля «Испытание» (Госиздат, 1935 г.), повесть Карла Биллингера «Заключенный № 450» (Госиздат, 1936 г.), «Голы презрения» Андре Мальро (Госиздат, 1936 г.), «В Третьей империи» Клауса Гинрихса (Госиздат, 1936 г.).

В ближайшее время будет выпущена книга Вольфганга Лангхофа «Болотные солдаты» — рассказ о действительном пережитом в фашистском концлагерном лагере. Книга выйдет в Госиздате в двух изданиях.

Политическая жизнь Германии, борьба буржуазных партий за власть, предельная роль социал-демократии и приход фашистов к власти изображены в книге Б. Альдена «История одного наци» (Госиздат, 1935 г.).

Огромный интерес со стороны советского читателя вызывают антифашистские романы Луна Белкина: «Олеус» и «Семья Оплетенко». Оба романа выпущены в этом году массовыми изданиями.

Героическая борьба австрийского пролетариата с наступающим фашизмом отражена в романе Анни Зегер «Путь через Февраль» (Госиздат, 1936 г.).

Ярким документом о борьбе с фашизмом является недавно вышедшая в Госиздате книга «Международный конгресс писателей в защиту культуры». Париж, июль 1936 г. Л. БЕРГ

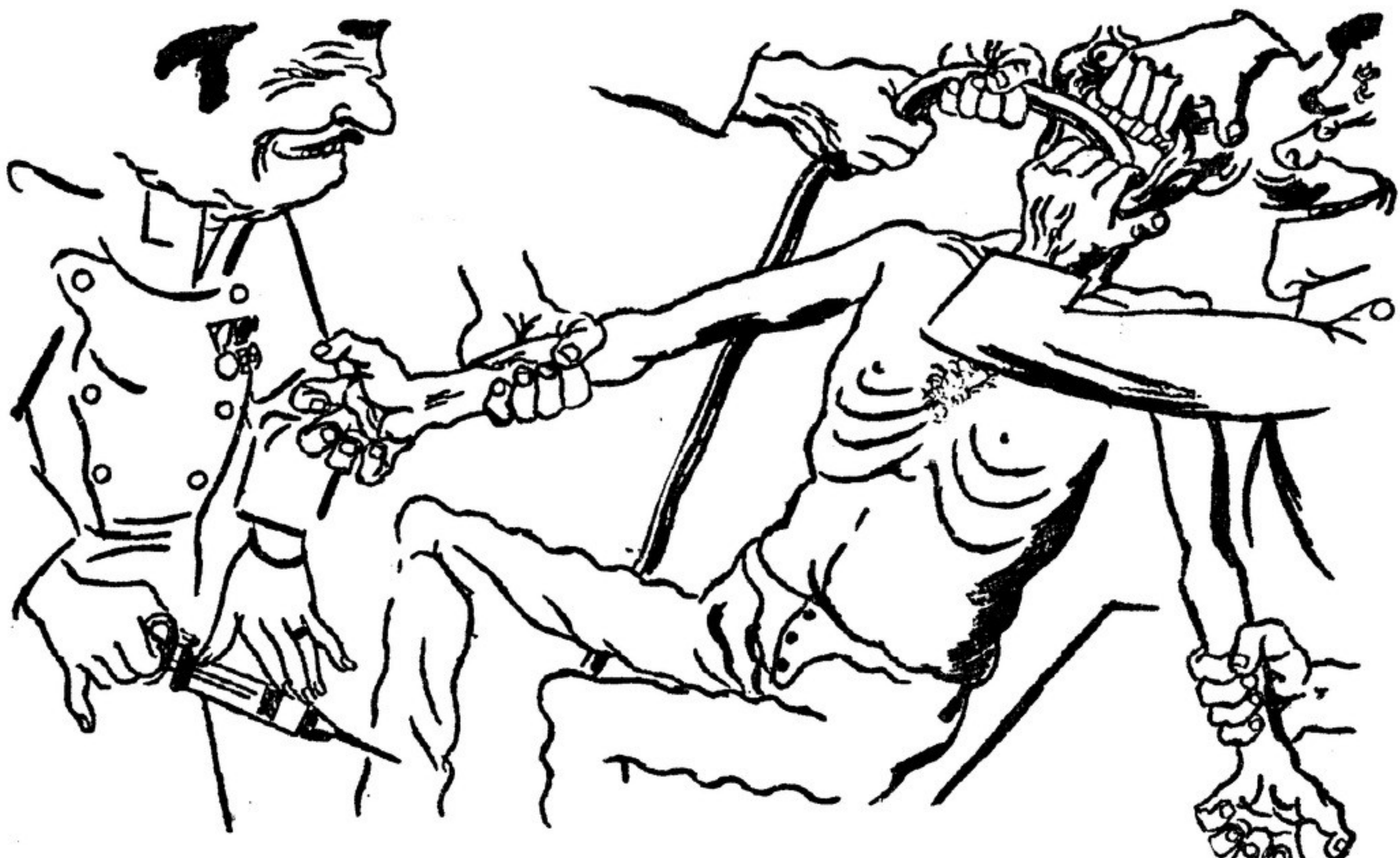

Рисунок худ. Гросс — «Через три дня вы станете беспособным»

В ЗАЩИТУ ЖАКА РУМЭН

Жак Румэн — молодой писатель и самый отважный из революционных вождей гаитянского народа — около двух лет сидит в тюрьме. За свою короткую жизнь он сидит уже в четвертый раз.

Жак Румэн родился в 1907 г. в семье богатого гаитянского землевладельца. Он — мулат.

Оккупированные в 1915 г. Гаити американские моряки обращались с населением Гаити самым жестоким и унижительным образом, типичным для обращения с неграми в Южной Америке.

Жак Румэн был уверен, что гаитянская проблема — это проблема «расовая», и надеялся, что с улачением американских оккупационных войск она будет разрешена.

Румэн мучительно оскорбляли разрывавшая нищета рабочих масс, разложение и отсутствие собственного государства у богатых жителей Гаити, записавшихся перед палачами американцами. Отвращены от своих прежних единомышленников, Румэн сблизился с христианством. Он отправился в горы, где и остался жить. Там он написал свой замечательный роман «Очарованная гора», первый гаитянский роман из крестьянской жизни.

В литературе острова Гаити роман Жака Румэна совершенно новое явление — и по форме и по содержанию. До сих пор гаитянская литература слепо копировала французскую, и все романы, написанные на Гаити, могли бы быть с таким же успехом написаны во Франции. Роман Жака Румэна написан просто и вводит читателя непосредственно в самую жизнь крестьянской жизни на Гаити.

Румэн патетически описывает трагедию гаитянской бедноты. В романе «Марионетки» и в сборнике своих рассказов он рисует разложение гаитянской буржуазии, отчаянную борьбу интеллигентской молодежи против моральной и интеллектуальной касты своего класса, а также жестокий гнет американской оккупации.

Безжалостное положение гаитянской молодежи, обреченное в этих новеллах, вызвало всеобщую студенческую забастовку в Политехнической школе, вылившуюся во всеобщее возмущение против гнета оккупантов. Жак Румэн и Жорж Пиг, ныне вместе с ним сидящий в тюрьме, сыграли в этом движении активную роль, за что и были приговорены тогда к двум годам тюрьмы.

После освобождения Румэн принимался за организацию просвещения среди населения Гаити, за собрание фольклора. Вместе с друзьями он явился создателем новой литературной школы, интересовавшейся преимущественно жизнью крестьян и рабочих на Гаити.

Продолжительная и тесная близость с рабочими не могла не раскрыть глаза Румэну. Он увидел, что рабочих повсюду эксплуатируют, а правительство и буржуазия действуют рука об руку с американскими капиталистами. В 1931 г. Румэн отказался от правительственной должности — управляющего министерством внутрен-

них дел, чтобы возглавить стачку рабочих Гаитяно-Американской сахарной компании (Гаиса).

С этих пор он подвергается преследованиям, а его черепицу конфискует. В квартире его произошел обстрел и наши черновики письма к французскому писателю Тристану Реми. Реми познакомился с романом «Очарованная гора», напечатанным в «Попюльэ». По этому поводу он попросил Румэна прислать ему свою краткую автобиографию. В ответном письме Румэн изложил (цитируя на память): «Я коммунист, я отказался от привилегий буржуазного класса, к которому принадлежал. Я с гордостью причисляю себя к разряду вношей из Скоттборо и стальных борцов за дело угнетенных масс, а не к числу угнетателей. Вся моя дальнейшая жизнь я посвящаю делу гаитянского крестьян и рабочих, главных производителей в стране, нещадно угнетаемых и эксплуатируемых господствующим классом».

На основании этого письма Румэн снова был заключен в тюрьму. Немедленно по освобождению он вступил в контакт с массами и дважды был арестован по самому смешному обвинению. Во время последнего ареста, в 1934 г., его обвинили в докладе на Гаити орудиях и о злодеяниях правительства. Это обвинение основывалось на письме из Нью-Йорка, извещающем об отправке груза с «материалами». Хотя, как

оказалось, посылка состояла из одного только литературного произведения, Румэн был преследуем в течение года, подвергнут аресту и к штрафу в 1000 франков.

И по сей день Румэн продолжает оставаться в одиночном заключении. Посылаемых книг и писем он не получает. Два месяца назад в той же тюрьме был арестован его товарищ по заключению, сын Жозефа Жюлибуа, руководителя освободительного движения на Гаити, направленного против американской оккупации. Мы боимся за жизнь Жака Румэна — не только прекрасного писателя и поэта, но и способнейшего и искреннейшего руководителя гаитянского масс.

Американские писатели индифферентно и коллективно (Американская ассоциация писателей, Джон Рид Клуб и другие) выразили президенту Стенли Винченцу свою протестную позицию против ареста Жака Румэна и потребовали его освобождения. Образовался комитет, в который вошли многие известные писатели и художники. Этот комитет поддерживает требования гаитянского масс, оказывающих давление на местное правительство и на его представителей в США.

Но этого мало. Писатели всего мира должны общими усилиями оказать давление на правительство Гаити. От Комитета борьбы за освобождение Жака Румэна секретарь ФРЕНСИН БРЭДЛИ

«ПОМНИ ОБ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ»

ОРЕСТ ЦЕХНОВИЦЕР

Господствующее литературное течение европейской литературы начала столетия настаивало на незыблемости литературы, которую полагали в отдаленности, оторванности ее от жизни. Война разоблачила эти лживые формулы: многие из писателей оказались на позициях самых реакционных. Многие писатели пошли на службу правящему классу с первых же дней войны. Эти люди цулали графские поместья с почетом «родина», богатство страны отодвигались в благополучием буржуазии.

О размахе деятельности буржуазных писателей можно судить по некоторым данным, которые сохранила история. За первые пять месяцев войны в одной Германии вышло 1700 книг, брошюр и журналов (считая названия, а не отдельные книжки), посвященных войне. За то же время, по подсчету одного махонского профессора, было написано свыше трех миллионов патристических стихотворений. Если к этому прибавить еще то, что большинство существующих до войны общих журналов превратилось в специально военные журналы, то нужно будет признать за немцами рекорд по части быстроты и объема мобилизации литературы для военных нужд. Эти произведения германских литераторов непосредственно доставались на фронт и в виде листовок распространялись среди солдат. Так, у одного убитого немецкого солдата среди вещей оказался лист, обрамленный черной рамкой, где было напечатано стихотворение «Wacht im Westen». Первая и последняя строки стиха гласили: «Durch kommen sie nichts — «Они не пройдут».

Эта «боевая» деятельность литераторов находила соответствующую оценку. Император Вильгельм по случаю дня своего рождения в 1915 г. выдал приказ Ордену двенадцати крестов-патриотов, в том числе Рихарду Демели и Гергарду Гаузмана. С своей стороны Кенигсбергский университет награждает дипломом доктора философии маршала Гилленбурга. «Вы воплотили в себе верховный нравственный закон» — писали протестеры по прах профессора. Этот «нравственный закон» писали по непосредственной диктовке немецкой буржуазии вкуче с генеральным штабом.

Но не только немецкая буржуазия мобилизовала своих литераторов. Французскому поэту Ботрелю военный министр дал пропуск во все боевые части армии с правом волеуверенно читать свои поэмы. Это минимальное разрешение дает ключ к раскрытию содержания поэмы.

В сместе организации литературной пропаганды и агитации войны русские писатели не слишком отстали от немецких и французских собратьев. Так, далекий от низкой действительности, предпочитавший думать об Элладе, Вячеслав Иванов успевает написать стихи на взятие русских войсками Перемишля в тот самый день, когда было получено известие об этом.

Война сняла маску с лицемеров: поэты, которые признавали, что «стихи пережигают народ», что искусство дрябло и пусто, в дни войны пролили воинственный порыв и даже утвердили свои шовинистические идеи. Они не хотели мириться с ролью сторонних агитаторов и пропагандистов войны, некоторые из них желали утвердить свои империалистические чаяния не только силой пера, но и силой оружия. Это явление наблюдается во всех воюющих странах. Германские, французские и русские поэты и прозаики надеются похоронить ранен, безвинно и отправляются на фронт, славостоя воемский поэтом. Рядом с поэтом Гумилевым выступил французский поэт-полемист, редактор распространяемого журнала «Les cahiers de la Quinzaine» Шарль Лас, который заявляет, что писательская работа не преза, а битва (sic), что им нужна идеальная, воинственная поэзия. Поэт, подобно жрецу, должен идти в топку, чтобы познать ее выше мелкой житейской борьбы, дать

ей идеал и указать ей путь. А потом отныне он должен... вступить в ряды армии.

В Италии, в Кварто, д'Аннуцио провозносит воинственную речь на открытии памятника Гарибальди. Демаргогическая речь прославленного поэта буржуазии была полна иррациональности и вступил в войну на стороне тройственного согласия. Активность д'Аннуцио этим не ограничивается: он славостоя итальянское оружие, пишет поэму о гибели полководца и записывается в добровольцы.

Николай Гумилев, слава литературной школы акмеизма, славостоя д'Аннуцио по поводу его патристического выступления в Кварто («Ода д'Аннуцио»). Здесь перед нами переписка империалистических поэтов-конкистадоров.

70-летний Анатолий Франс писал в первые дни войны: «Много прекрасных людей находило, что мой стиль ничего не стоит в военное время. Так как они, может быть правы, я перестал писать и остался без занятий».

Но воинствующая буржуазия хорошему знала, что для войны нужны не только тяжелые пушки, но и легкие перья. Франсуа ответил: «Родина расширяет, что вы будете защищать ее пером, которое в ваших руках стоит шпана».

Франс недолго «служил» родине своим пером. Он вскоре обрел себя на молчание и перервал его лишь незадолго до своей смерти, когда мужественно приветствовал Советский Союз — тех, кто его словам, уверил в мире царство подлинной справедливости.

Даже Морис Меттерлинг, прославленный проповедник «пассивного непротивления року», в первые же дни войны послал королю Альберту письмо с просьбой о зачислении его в ряды бельгийской армии.

В середине 1915 г., по подсчету «Bulletin des Ecrivains», во Франции было убито 95 писателей, поэтов и критиков, 87 — ранено, 20 — взято в плен. К маю 1916 г. было уже убито более 300 писателей.

М. Волошин в своей корреспонденции «Париж и война» по этому поводу писал: «Настоящее поколение четверговато и обезглавлено. Говорить о литературе Франции можно, только анализируя списки убитых и раненых».

Гибель писателей на фронте очень умело используется буржуазной печатью для пропаганды воинского долга и самоотверженности. Имена убитых превносятся как имена величайших героев, им создают ореол святости и мученичества. Так, Орель Фор пишет специальное стихотворение, посвященное молодому поэту Оливье Буржуа, убитому на фронте. Гибель на фронте Шарль Пиги заявляет во французской печати нельзя сказать о смерти поэта как великая жертва за родину, призывая еще больше уважения его творчеству. В этих статьях лицемерие и пролажность буржуазной прессы превзошли самих себя.

Характерная тот шовинистический подем, который охватил писателей в дни мировой войны 1914 — 1918 гг., мы, конечно, не забываем о тех немногих, кто сумел в это время поднять свой голос против империалистической войны. Мы не забываем имена таких людей, как Максим Горький, Анри Барбюс, Роман Роллан и Владимир Маяковский. Мы не забываем, что в страданиях и испытаниях этого жестокого времени выковылались и утверждались мысль о протестной революции как единственной возможности избежать человечество от войны.

«Биржевые ведомости», утр. вып. № 14911, 18 июня 1915 г., стр. 2.

Прошло более 20 лет после начала империалистической войны. Свыше 10 миллионов рабочих и крестьян легло в могилы на полях сражений в годы мировой войны, 20 миллионов остались изувеченными на всю жизнь. Десятки миллионов трудящихся погибли от голода и эпидемий. И еще сейчас не залечены все раны, нанесенные годами империалистической войны. И что же? Разве эта «последняя» война, как заявляли буржуазные пацифисты и социал-демократические обманщики, действительно являлась последней? Разве с 1918 года прекратились войны. И разве новые войны не нашли среди буржуазных писателей своих певцов, которые не проклинали а воспевали их?

Широкий поток шовинистической литературы современной Японии, литературы, ставящей своей задачей оправдать и идейно возвысить ту войну, которую уже много лет ведет японский империализм против Китая, Индии, мы отмечаем превращением 1914 года поток военно-фашистской литературы гитлеровской Германии. Гитлеровскому фашизму в течение итальянским фашизмом, в Африке, воспевают уже испытанный в войне, которую уже много лет ведет итальянский империализм против Китая, Индии, мы отмечаем превращением 1914 года поток военно-фашистской литературы гитлеровской Германии.

Широкий поток шовинистической литературы современной Японии, литературы, ставящей своей задачей оправдать и идейно возвысить ту войну, которую уже много лет ведет японский империализм против Китая, Индии, мы отмечаем превращением 1914 года поток военно-фашистской литературы гитлеровской Германии. Гитлеровскому фашизму в течение итальянским фашизмом, в Африке, воспевают уже испытанный в войне, которую уже много лет ведет итальянский империализм против Китая, Индии, мы отмечаем превращением 1914 года поток военно-фашистской литературы гитлеровской Германии.

Функции всех этих произведений — обработка сознания обывателя, подготовка к принятию гитлеровской войн, ведомых их правительством.

Американский буржуазный ученый Джордж Вильям Курцис заявляет, что война — это пули. Современная шовинистическая литература — это пули, отлитые империалистической буржуазией. Но сейчас положение иное, чем в дни мировой войны 1914 — 1918 гг. Сейчас на страже мира стоит великий Союз Советских Социалистических Республик. Большевик дал трудящемуся человечеству могущее оружие против войны. И эту великую истину сейчас осознали лучшие представители мировой интеллигенции. В то время как в 1914 году лишь несколько писателей имели мужество выступить против войны, сейчас уже широкий фронт друзей Советского Союза, борцов против новой мировой войны, подготовленной фашизмом. Роман Роллан и Андре Мальро, Дос-Пассос и Бернард Шоу, Фейхтвангер и Арагон и целый ряд других лучших представителей мировой интеллигенции стали в ряды защитников страны социализма. Литература зарубежных государств классов сейчас уже не удастся достичь того объема масс, которого она добилась двадцать два года тому назад. Правда об империалистической войне будет сказано лучшими писателями всего мира. Но вместе с тем было бы величайшей ошибкой недооценивать демагогически-пропагандистские возможности тех стран, которые покровительствуют войне и на Дальнем Востоке — в зоне Японии, и в Европе — в зоне Германии.

Целая плеяда бардов империализма и фашизма еще славит войну, и яд их слов еще действует. Писатель не должен забывать тех слов, с которыми обращается Коминтерн в своем уставе, выработанном под непосредственным руководством Ленина, к каждому труженнику, где бы он ни жил, на каком бы языке он ни говорил:

«Помни об империалистической войне».

НЕСТРОЕВОЙ СОЛДАТ ШАММЕС

АРНОЛЬД ЦВЕЙГ

Лесистые холмы окаймляют горивод. От подножья их волнистой пешеходной просеки долина; ее пересечает ручей; в полдень дневным светом постепенно возникают новые возвышения.

Перед одним из барачков за простым столом, на простом скамьях сидят двое человек и сосредоточенно играют в карты — в традиционный скат. На них белые тиковые куртки, штаны их заправлены в сапоги, ше они похожи друг на друга; можно было бы сказать, что это рабочие чисто помысли и развлекаться в праздничный вечер. У трех из них на самом деле лица настоящих рабочих; четвертый, всматриваясь и красноречив, скорее походит на трактирщика; пятый, в очках, повидимому, из конторы или канцелярии. Они бесшумно болтают ногами, заледяная густо разросшиеся белые и желтые ромашки.

Тот, кто похаживает по трактирской, — он действительно трактирщик, хотя в настоящее время и не занимается своей профессией. — смотрит искривившимися глазами на двух своих партнеров и заявляет, что будет играть в «трефас». Его фамилия Лебегде, Карл Лебегде, из восточного квартала большого города Берлина. Но приятель его, Наборщик Пауль, не знает ему играть в «трефас». Лишь у него ровное, бледное, серым глазами он пристально смотрит на Лебегде, проверяя свои карты и затем провозглашает: «грант — крупная игра, для которой необходимо иметь хорошие карты — гузы и не только валеты; если в этой игре проигрывают, то проигрывают бывает крупный». Карл Лебегде тотчас смеется; он пасует, как говорит на игорном языке; и третий, с взоросшимися, рыжеватыми усами и такими же бровями, сразу присоединяется к нему; это рабочий-металлист, формовщик, еврей, раньше был хлебопеком, а потому характер у него мирный, уживчивый, фамилия его — Шаммес. И он тоже теперь не занимается своей профессией.

Молодой рабочий Прицугла — все в жизни развлекать его, открыв перед ним стол с картами и внимательно разглядывая карты своего приятеля Шаммеса. Пятый, работавший раньше у себя за письменным столом или в канцелярии, даже встал, чтобы лучше видеть карты играющих. Если он будет молчать, то это ему разрешают. От четырех остальных стол не отличается более легким телодвижением, более выжатым лбом, более хмельными руками, а особенно блестящей, черной, короткой бордовой курткой шек и подбородка; по этой борде его можно узнать издалека. И он тоже не занимается теперь своей профессией; зато он кое-что научился здесь, например, игре в скат. Наборщик Пауль проиграл, рассердился, будет озлобленно ругаться. Но и тут превосходство будет на стороне Карла Лебегде, и не стоит ждать, чем кончится игра. Можно уйти в свой внутренний мир, отдалиться мыслям обо всем, что осталось позади. Он отыщет тенное место у барачка и напишет письмо жене. Фамилия его Бертин. Бертин же, до того как попал сюда, был даже писателем, выдал книги. Он привыкает голову, вытаскивает руки, глубоко вдыхает воздух — особенно свежий ветер веет с запада, откуда доносится гул и грохот. — Бедные люди, — говорит черноволосый. И уходит, покаянная головой.

Четверо оставшихся ничего не отдают. Они так же привыкли к скатному гулу и грохоту, как и к чувству, провозвещаемому в словах черноволосого. Барачки эти с деревянными столами размещены во Франции. Ряд холмов на западе называется Корвальд, местность расположена перед крепостью Верден. И отдаленный гул — это шум и грохот артиллерийского боя у Дуамона, который бесконечно длится уже несколько недель. С конца февраля колонны германских войск наступают на Верден. Поэтому эти пять еди-

наково одетых рабочих и носят странное военное выражение без заботливо черно-бело-красной и черно-белой кофарады; это солдаты — нестроевые солдаты, и все они без всякой надежды на повышение или степену, уже пятнадцать месяцев несут эту службу. Они причислены к тяжелой артиллерии, устанавливают батареи, прокладывают дороги, грузят снаряды. Наборщик Пауль действительно френигами из скатного жалованья. И вот он сидит и вместо того, чтобы перетасовать карты, берет чернобородого (это еврей, как думает он про себя, но не говорит этого), который принес ему несчастье. Но у Карла Лебегде особенно хорошие отношения с Паулем, у него есть особые основания высоко ценить его, и он знает ему точные пояснения: конечно, образованные люди ценят несчастье, но еврей, как известно, что-то другое оказало влияние, и вот он сидит и вместо того, чтобы перетасовать карты, берет чернобородого (это еврей, как думает он про себя, но не говорит этого), который принес ему несчастье. Но у Карла Лебегде особенно хорошие отношения с Паулем, у него есть особые основания высоко ценить его, и он знает ему точные пояснения: конечно, образованные люди ценят несчастье, но еврей, как известно, что-то другое оказало влияние, и вот он сидит и вместо того, чтобы перетасовать карты, берет чернобородого (это еврей, как думает он про себя, но не говорит этого), который принес ему несчастье. Но у Карла Лебегде особенно хорошие отношения с Паулем, у него есть особые основания высоко ценить его, и он знает ему точные пояснения: конечно, образованные люди ценят несчастье, но еврей, как известно, что-то другое оказало влияние, и вот он сидит и вместо того, чтобы перетасовать карты, берет чернобородого (это еврей, как думает он про себя, но не говорит этого), который принес ему несчастье. Но у Карла Лебегде особенно хорошие отношения с Паулем, у него есть особые основания высоко ценить его, и он знает ему точные пояснения: конечно, образованные люди ценят несчастье, но еврей, как известно, что-то другое оказало влияние, и вот он сидит и вместо того, чтобы перетасовать карты, берет чернобородого (это еврей, как думает он про себя, но не говорит этого), который принес ему несчастье. Но у Карла Лебегде особенно хорошие отношения с Паулем, у него есть особые основания высоко ценить его, и он знает ему точные пояснения: конечно, образованные люди ценят несчастье, но еврей, как известно, что-то другое оказало влияние, и вот он сидит и вместо того, чтобы перетасовать карты, берет чернобородого (это еврей, как думает он про себя, но не говорит этого), который принес ему несчастье. Но у Карла Лебегде особенно хорошие отношения с Паулем, у него есть особые основания высоко ценить его, и он знает ему точные пояснения: конечно, образованные люди ценят несчастье, но еврей, как известно, что-то другое оказало влияние, и вот он сидит и вместо того, чтобы перетасовать карты, берет чернобородого (это еврей, как думает он про себя, но не говорит этого), который принес ему несчастье. Но у Карла Лебегде особенно хорошие отношения с Паулем, у него есть особые основания высоко ценить его, и он знает ему точные пояснения: конечно, образованные люди ценят несчастье, но еврей, как известно, что-то другое оказало влияние, и вот он сидит и вместо того, чтобы перетасовать карты, берет чернобородого (это еврей, как думает он про себя, но не говорит этого), который принес ему несчастье. Но у Карла Лебегде особенно хорошие отношения с Паулем, у него есть особые основания высоко ценить его, и он знает ему точные пояснения: конечно, образованные люди ценят несчастье, но еврей, как известно, что-то другое оказало влияние, и вот он сидит и вместо того, чтобы перетасовать карты, берет чернобородого (это еврей, как думает он про себя, но не говорит этого), который принес ему несчастье. Но у Карла Лебегде особенно хорошие отношения с Паулем, у него есть особые основания высоко ценить его, и он знает ему точные пояснения: конечно, образованные люди ценят несчастье, но еврей, как известно, что-то другое оказало влияние, и вот он сидит и вместо того, чтобы перетасовать карты, берет чернобородого (это еврей, как думает он про себя, но не говорит этого), который принес ему несчастье. Но у Карла Лебегде особенно хорошие отношения с Паулем, у него есть особые основания высоко ценить его, и он знает ему точные пояснения: конечно, образованные люди ценят несчастье, но еврей, как известно, что-то другое оказало влияние, и вот он сидит и вместо того, чтобы перетасовать карты, берет чернобородого (это еврей, как думает он про себя, но не говорит этого), который принес ему несчастье. Но у Карла Лебегде особенно хорошие отношения с Паулем, у него есть особые основания высоко ценить его, и он знает ему точные пояснения: конечно, образованные люди ценят несчастье, но еврей, как известно, что-то другое оказало влияние, и вот он сидит и вместо того, чтобы перетасовать карты, берет чернобородого (это еврей, как думает он про себя, но не говорит этого), который принес ему несчастье. Но у Карла Лебегде особенно хорошие отношения с Паулем, у него есть особые основания высоко ценить его, и он знает ему точные пояснения: конечно, образованные люди ценят несчастье, но еврей, как известно, что-то другое оказало влияние, и вот он сидит и вместо того, чтобы перетасовать карты, берет чернобородого (это еврей, как думает он про себя, но не говорит этого), который принес ему несчастье. Но у Карла Лебегде особенно хорошие отношения с Паулем, у него есть особые основания высоко ценить его, и он знает ему точные пояснения: конечно, образованные люди ценят несчастье, но еврей, как известно, что-то другое оказало влияние, и вот он сидит и вместо того, чтобы перетасовать карты, берет чернобородого (это еврей, как думает он про себя, но не говорит этого), который принес ему несчастье. Но у Карла Лебегде особенно хорошие отношения с Паулем, у него есть особые основания высоко ценить его, и он знает ему точные пояснения: конечно, образованные люди ценят несчастье, но еврей, как известно, что-то другое оказало влияние, и вот он сидит и вместо того, чтобы перетасовать карты, берет чернобородого (это еврей, как думает он про себя, но не говорит этого), который принес ему несчастье. Но у Карла Лебегде особенно хорошие отношения с Паулем, у него есть особые основания высоко ценить его, и он знает ему точные пояснения: конечно, образованные люди ценят несчастье, но еврей, как известно, что-то другое оказало влияние, и вот он сидит и вместо того, чтобы перетасовать карты, берет чернобородого (это еврей, как думает он про себя, но не говорит этого), который принес ему несчастье. Но у Карла Лебегде особенно хорошие отношения с Паулем, у него есть особые основания высоко ценить его, и он знает ему точные пояснения: конечно, образованные люди ценят несчастье, но еврей, как известно, что-то другое оказало влияние, и вот он сидит и вместо того, чтобы перетасовать карты, берет чернобородого (это еврей, как думает он про себя, но не говорит этого), который принес ему несчастье. Но у Карла Лебегде особенно хорошие отношения с Паулем, у него есть особые основания высоко ценить его, и он знает ему точные пояснения: конечно, образованные люди ценят несчастье, но еврей, как известно, что-то другое оказало влияние, и вот он сидит и вместо того, чтобы перетасовать карты, берет чернобородого (это еврей, как думает он про себя, но не говорит этого), который принес ему несчастье. Но у Карла Лебегде особенно хорошие отношения с Паулем, у него есть особые основания высоко ценить его, и он знает ему точные пояснения: конечно, образованные люди ценят несчастье, но еврей, как известно, что-то другое оказало влияние, и вот он сидит и вместо того, чтобы перетасовать карты, берет чернобородого (это еврей, как думает он про себя, но не говорит этого), который принес ему несчастье. Но у Карла Лебегде особенно хорошие отношения с Паулем, у него есть особые основания высоко ценить его, и он знает ему точные пояснения: конечно, образованные люди ценят несчастье, но еврей, как известно, что-то другое оказало влияние, и вот он сидит и вместо того, чтобы перетасовать карты, берет чернобородого (это еврей, как думает он про себя, но не говорит этого), который принес ему несчастье. Но у Карла Лебегде особенно хорошие отношения с Паулем, у него есть особые основания высоко ценить его, и он знает ему точные пояснения: конечно, образованные люди ценят несчастье, но еврей, как известно, что-то другое оказало влияние, и вот он сидит и вместо того, чтобы перетасовать карты, берет чернобородого (это еврей, как думает он про себя, но не говорит этого), который принес ему несчастье. Но у Карла Лебегде особенно хорошие отношения с Паулем, у него есть особые основания высоко ценить его, и он знает ему точные пояснения: конечно, образованные люди ценят несчастье, но еврей, как известно, что-то другое оказало влияние, и вот он сидит и вместо того, чтобы перетасовать карты, берет чернобородого (это еврей, как думает он про себя, но не говорит этого), который принес ему несчастье. Но у Карла Лебегде особенно хорошие отношения с Паулем, у него есть особые основания высоко ценить его, и он знает ему точные пояснения: конечно, образованные люди ценят несчастье, но еврей, как известно, что-то другое оказало влияние, и вот он сидит и вместо того, чтобы перетасовать карты, берет чернобородого (это еврей, как думает он про себя, но не говорит этого), который принес ему несчастье. Но у Карла Лебегде особенно хорошие отношения с Паулем, у него есть особые основания высоко ценить его, и он знает ему точные пояснения: конечно, образованные люди ценят несчастье, но еврей, как известно, что-то другое оказало влияние, и вот он сидит и вместо того, чтобы перетасовать карты, берет чернобородого (это еврей, как думает он про себя, но не говорит этого), который принес ему несчастье. Но у Карла Лебегде особенно хорошие отношения с Паулем, у него есть особые основания высоко ценить его, и он знает ему точные пояснения: конечно, образованные люди ценят несчастье, но еврей, как известно, что-то другое оказало влияние, и вот он сидит и вместо того, чтобы перетасовать карты, берет чернобородого (это еврей, как думает он про себя, но не говорит этого), который принес ему несчастье. Но у Карла Лебегде особенно хорошие отношения с Паулем, у него есть особые основания высоко ценить его, и он знает ему точные пояснения: конечно, образованные люди ценят несчастье, но еврей, как известно, что-то другое оказало влияние, и вот он сидит и вместо того, чтобы перетасовать карты, берет чернобородого (это еврей, как думает он про себя, но не говорит этого), который принес ему несчастье. Но у Карла Лебегде особенно хорошие отношения с Паулем, у него есть особые основания высоко ценить его, и он знает ему точные пояснения: конечно, образованные люди ценят несчастье, но еврей, как известно, что-то другое оказало влияние, и вот он сидит и вместо того, чтобы перетасовать карты, берет чернобородого (это еврей, как думает он про себя, но не говорит этого), который принес ему несчастье. Но у Карла Лебегде особенно хорошие отношения с Паулем, у него есть особые основания высоко ценить его, и он знает ему точные пояснения: конечно, образованные люди ценят несчастье, но еврей, как известно, что-то другое оказало влияние, и вот он сидит и вместо того, чтобы перетасовать карты, берет чернобородого (это еврей, как думает он про себя, но не говорит этого), который принес ему несчастье. Но у Карла Лебегде особенно хорошие отношения с Паулем, у него есть особые основания высоко ценить его, и он знает ему точные пояснения: конечно, образованные люди ценят несчастье, но еврей, как известно, что-то другое оказало влияние, и вот он сидит и вместо того, чтобы перетасовать карты, берет чернобородого (это еврей, как думает он про себя, но не говорит этого), который принес ему несчастье. Но у Карла Лебегде особенно хорошие отношения с Паулем, у него есть особые основания высоко ценить его, и он знает ему точные пояснения: конечно, образованные люди ценят несчастье, но еврей, как известно, что-то другое оказало влияние, и вот он сидит и вместо того, чтобы перетасовать карты, берет чернобородого (это еврей, как думает он про себя, но не говорит этого), который принес ему несчастье. Но у Карла Лебегде особенно хорошие отношения с Паулем, у него есть особые основания высоко ценить его, и он знает ему точные пояснения: конечно, образованные люди ценят несчастье, но еврей, как известно, что-то другое оказало влияние, и вот он сидит и вместо того, чтобы перетасовать карты, берет чернобородого (это еврей, как думает он про себя, но не говорит этого), который принес ему несчастье. Но у Карла Лебегде особенно хорошие отношения с Паулем, у него есть особые основания высоко ценить его, и он знает ему точные пояснения: конечно, образованные люди ценят несчастье, но еврей, как известно, что-то другое оказало влияние, и вот он сидит и вместо того, чтобы перетасовать карты, берет чернобородого (это еврей, как думает он про себя, но не говорит этого), который принес ему нес

МИРОВАЯ ВОЙНА И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ан. ВОЛКОВ

Мировая империалистическая война 1914—18 г. сыграла громадную, поистине рублеву роль в судьбах русской литературы. Она Фосфоризовала и завершила процесс разложения и распада буржуазно-дворянской литературы в России. Империалистическая война вызвала пролетарскую литературу. В течение ряда лет война являлась монополярной темой русских писателей, так же как писатели всех воюющих стран. Война вывела пролетарскую литературу в буржуазно-дворянскую литературу из запертого состояния к окончательному творческому кризису и вырвала из нее, других писателей и писательниц, подготовив их переход на сторону пролетариата. Об этом двойном значении войны писал Ленин: «Война обожгла и надламывает одних, аннулирует и проповедует другим, как и всякий кризис в жизни человека или в истории народов».

В числе русских писателей, по-разному просвещенных войной, мы видим таких крупных художников, как Блок, Брюсов, Маяковский. Позиция этих писателей, принадлежность разным путям, к разным социальным слоям, воспитанию их, оказалась далеко не характерной для большинства русских литераторов, охваченных новинчатым урагом и окончательно потерявших способность мыслить в эпоху войны и революции.

На долю подавляющего большинства русских литераторов выпала тяжелая роль в том «чуждом мире» аппарате лжи и хитросплетений, который был пущен в ход в России, чтобы заразить массы новинками, чтобы вызвать представления, будто царское правительство ведет «справедливую» войну, беспримесно защищает «братов-славян» (Ленин). Обильная военно-патриотическая литература, демонстрирующая полную антихудожественность, отнюдь не является случайным грехопадением российских литераторов. В ней наперед свое завершение процесс распада, на путь которого встала буржуазно-дворянская литература в эпоху империализма, процесс, происшедший особенно быстрыми темпами в годы общественной реакции и казачья война. «Время от 1907 до 1917 г.», — говорил М. Горький на съезде советских писателей, — было временем полного своеволия безответственной мысли, полной «свободы творчества» русских литераторов. Свобода эта вылилась в пропаганде всех консервативных идей западной буржуазии, идей, которые были пущены в обращение после французской революции конца XVIII века и регулярно вспыхивали после 45-го и 71-го годов. В общем, десятилетие 1907—1917 вполне заслуживает имени самого позорного и бесстыдного десятилетия в истории русской интеллигенции».

Достойными героями этого десятилетия, ставшими в годы войны в первые ряды реакционной патриотической литературы, являлись такие писатели, как Л. Андреев, Арцыбашев, Куприн, Чирковский, Сологуб, П. Иванов и многие другие, принадлежавшие до войны к различным группам и направлениям. Начавшие в эпоху войны проповедь консолидации на империалистической основе различных фракций буржуазной литературы и, в частности, таких, ранее противостоящих друг другу литературных лагерей, как «реалистическое» и декадентское. После революции 1906 года происходит дифференциация и разложение в лагере так называемых «реалистов», объединенных вокруг сборников «Знамя». Группа бывших знаменцев во главе с Л. Андреевым, недовольная революционной позицией Горького, порывает с «Знаменем» и создает свой центр — альманах «Шиповник», в котором объединяются реалисты и декаденты на позиции «перехода к целостности», обязательности

и эстетизма. Во главе «Шиповника» становится Л. Андреев и Ф. Сологуб. Война обожгла писателей, еще недавно революционно и демократически настроенных. На страницах месящественного «Современного мира» печатается роман Арцыбашева «Сания». В ироничном этому господствующему в буржуазных кругах настроению М. Горький в эти годы пишет «Мать» и «Враги» — произведения высокой художественной силы и революционной строгости. Они печатаются на страницах «Знамя», противостоят андреевско-сологубовскому «Шиповнику».

В буржуазной литературе происходят те же процессы, что и в других частях буржуазной идеологии. Веховская «Философия», получившая широкое признание в государственной общественности этих лет, становится господствующей философией в эпоху войны. Известный веховец Влугаков в статье «Русские думы», написанной в разгар войны, приспосабливает философию Вехова к духу времени, пишет: «Россия — светлая страна и спешноударственная, анократическая теократия Белого Царя».

Точно так же в творчестве веховцев от беллетристики находят свое выражение и различные реакционные идеи, производимые до войны. Л. Андреев, оказавшийся по главе советских писателей-патриотов, более чем кто-либо другой затравивший чернилу на прославление «священной войны», в военном ажиотаже «Ином» развивает идею превращения России в «Наисмертное». В этом расставле поочередно мощь и сила человеческого, владеющего техникой аниации. В «Ином» Андреев восстает человек, владеющий техникой воздушного боя. «Не успеет взлететь, уже вступил в воздушную войну человек, еще только вчера сам себя едва державший в воздухе и покорно плававший при первой случайности, сегодня он полным ходом летит под градом пуль и парашедей, дерется, разрушает города... Что же это за сила — старый Ином? Где границы его смелости? Где конец его вызовом на бой, есть ли враг во всеобщей, кому он не бросил бы перчатку?»

Подобно Л. Андрееву, П. Гумилев развивает и модифицирует применительно к войне свой довоенный империалистический аристократизм. Если в новеллах, написанных до войны, он с садистским сладострастием описывал сцену убийства зверей на охоте, то теперь он точно так же добивается убийства человека. «Ты же жди, как охоту за крупными зверями! — анытиями, буйными — и нытиями, как ты чувствуешь, когда тревога за себя вдруг сменяется быстрой удушью, и полташу свою винтовку, отведя предохранитель, прицеливаешь в самую середину туловища того, кто был в каске, и нажал спуск. Выстрел оглушил, и нажал спуск. Выстрел оглушил, и нажал спуск» («Занесенный кавалерист»). Недаром Гумилев и Андреев в эпоху войны стали восторженными дум и аконотатами «художественных» кружков в прозе и поэзии. Н. Гумилев идею добровольства на фронт, Л. Андреев честолюбивый патриотизм, сила в столице за 30.000 рабочих в «Русской воле». Другие таланты и бездарные беллетристики на ходу перестроили свою шпательку музу на военный лад, усвоив военную тему изрядной долей обязательности и суровости. На ранний лад в поэмо-судальных тонах они живописали русское «солдатство», воплощая великую мессинскую роль спасителя культуры и цивилизации. Буржуазный беллетрист и критик В. Брусилин в рассказе «Белый голубок» («Голос жизни» № 3, 1914 г.) выдвигает в уста раненого солдата следующие патристические типологи: «Вот погоди, заживет рана, и опять в действительную махлу. Уж и задан этому австрийцу проклятому... Штыка русского, мило штыка отведает австрийца или немца. Наполею их, черт! Уж, подобная пошлость являлась достойным даже беспримесно талантливому крупному русскому писателю типа Сологуба, Куприна».

На разные лады в стихах и в прозе варьируются идеи национализма, панславизма, мессинской роли России, объединения всех классов русского общества во имя войны до победы. Достойными наследниками всей этой пошлой философии в наши дни являются германские и итальянские фашисты, приспособившие ее к своей национальной форме и к современному моменту. Эта перекачка современных фашистов в идеологию воинствующего империализма в эпоху мировой войны весьма симптоматична. Так же как современная фашистская литература, панславистическими идеями, русская военная новинчатым литературой продемонстрировала полную антихудожественность. Этого не могли не заметить даже буржуазные критики, безуспешно борющиеся за высокое искусство, достойное «великой» войны. Критик К. Арабагин пишет: «Еще не пришел настоящий подвиг войны, настоящий подвиг, а настоящим огромным восторгом».

Дело, разумеется, не в отсутствии «вдохновения» или «восторга». И то и другое было достаточно. Причины полной антихудожественности военной империалистической литературы — в другом. Главная из них заключается в том, что литераторы, прославляя мировую войну, открыто встали на позицию классовой лжи, отказались от правильного изображения действительности, потеряли живую чувственную связь с реальным миром.

Идейная и художественная немощь марширующей литературы особенно ярко отразилась большим успехом антивоенного романа Барбюса «В огне», правдиво отразившего империалистическую войну, высокой художественной ценностью поэмы «Война и мир» Маяковского и замечательными антивоенными стихами Дельяна Белого.

Поэма Маяковского «Война и мир» печаталась на страницах журнала «Тетюшка», возглавляемого Горьким. В годы войны Горький является собеседником и организатором патристического и организатором патристического литературного фронта, так же как до войны он был организатором прогрессивных сил в литературе. В декабре 1914 г. Горький пишет для газеты «День» статью «Неосвобожденное», запрещенную цензурой и опубликованную лишь в 1931 году в «Красном архиве». В этой статье Горький рассматривает войну как результат империализма, разработав истинные цели всех империалистических государств.

Горький выводит неизбежность мировой войны из внутренних законов капитализма. На страницах горьковского «Летписца» подается резкой критике империалистическое произведение, разработавшее оборончество меньшинства и велая измена делу рабочего класса. Значительная роль Горького в деле перестройки ряда писателей. На страницах журнала печатаются стихи Брюсова периода его отхода от патристических увлечений. Антивоенная деятельность Горького не ограничивается рамками России. В разгар патристического маршеского он обращается к В. Шавееву и просит его написать статью для журнала, организованного им и его «товарищами-интернационалистами».

Великий пролетарский писатель в годы войны выступил политическим борцом за пролетарский интернационализм. «Вот погоди, заживет рана, и опять в действительную махлу. Уж и задан этому австрийцу проклятому... Штыка русского, мило штыка отведает австрийца или немца. Наполею их, черт! Уж, подобная пошлость являлась достойным даже беспримесно талантливому крупному русскому писателю типа Сологуба, Куприна».

В своей книге мужественно рассказывает правду о том, как в его отечестве «лежал солдат». Но Рудинский негодует и разрабатывает только частности. Ему, например, кажется, что виновниками чудовищного галчечия молодых людей является только «утир-офицеры и канцары». Он настолько наивен, что продолжает искать корень зла в том отчуждении, которое существует между рядовым и офицером. Он готов верить, что если бы высшие чины не перестроили дело воспитания «защитников родины» своим личным, все было бы совсем иначе...

Иллюзия А. Рудинского не скрывает от него подлинной жизни польской казармы. Он увидел классовую дифференциацию среди солдат, проникновение в их ряды революционных влияний. Рудинский четко описывает факты и вопреки его воле запясы вырастает в грозное обвинение брошенное во всеобщей польской воениции, но и всей системе, породившей ее.

Рудинский попытался на себе «другие способы» и он знает, что они действительно хуже любви. Способы, применяемые в польской армии для «укрепления строящихся», представляют собой стройную систему моральной пытки, психического и физического угнетения человека. Туше выдумки утир-офицеров, заставляющих провинившегося солдата не лезть в телефонный столб, прыгать на корточках с вешивым сумочком на голове, по десять раз опрыскивать свою постель и т. п., убивают интеллект и в конце концов надламывают у более слабых волю к сопротивлению.

Во-первых, оно полно фанатичности, доведенной до предела, ненасытью не только к революционной мысли, но ко всему, что даже отдаленно напоминает демократию, либерализм, пацифизм и гуманизм. Эта литература провозглашает принятие кровавого террора и насилия, антигуманизма и варварства. Само собой понятно, что фашистские литераторы переиначили все эти черты.

Вторая характерная особенность фашистского «нового национализма» обнаруживает две характерные особенности. Во-первых, оно полно фанатичности, доведенной до предела, ненасытью не только к революционной мысли, но ко всему, что даже отдаленно напоминает демократию, либерализм, пацифизм и гуманизм. Эта литература провозглашает принятие кровавого террора и насилия, антигуманизма и варварства. Само собой понятно, что фашистские литераторы переиначили все эти черты.

Рисунок Кукрыниных для художественного альбома «26 комиссаров», выпускаемого Изгюзом.

О ФАШИСТСКОЙ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ГЕРМАНИИ

ГАНС ГЮНТЕР

Несколько лет назад в Германии появилась серия антивоенных книг: Людвиг Ренн, Йотан Бехер, Эрнст Глюкер, Ремарк, Арнольд Швейт и др. были авторами этих книг. Каждый заинтересованный читатель должен был констатировать: хорошо, что они появились, эти книги, но их мало, слишком мало! И тогда уже на каждую книгу, направленную против войны, приходилось по меньшей мере 10—15 военных новинчатым книгам.

Изменилось ли это соотношение в немецкой литературе за последние времена? Нет, наоборот. С тех пор, как фашисты пришли к власти, и немеческие писатели (или те, которые считают себя таковыми) были произведены в «титлеровских солдат культуры». В Германии стали издаваться почти исключительно военные книги.

«Фальшивые боебаты» выдвинул лозунг: «Конкретное требование нашего времени гласит: германское национальное — на фронт!» И этот лозунг был провозглашен без оговорок. Сейчас каждое германское издательство непосредственно или косвенно — велет военную пропаганду. На книжный рынок выбрасываются целые серии военных книг. Пропандитерские журналы, литературные произведения гают стараться сделать германский народ «способным носить оружие» и помогают популяризировать новые «военные науки».

В списке новинок изд. Франца Шнейдера (Лейпциг) стоят следующие заглавия: «Батарея Лансет и белые черты», «Игитиче на штурм Дромона», «Дюмон в 1916 г. и теперь», «О швах, розоде и тыловых криках», «Народ, вооружайся», «Голова Гартмансвейля», «Битва во Франции», «Мы идем к смерти», «Мы стали ландшафтными», «Воздушная война 1928 г.», «Исполнитель восточного фронта». Вот продукция одного небольшого германского издательства к рождеству 1935 г.

Короче говоря, германские фашисты создали гигантский литературный аппарат, чтобы возмездить старого бога — бога войны.

Из этого потока военной литературы нас особенно интересуют фашистская военная беллетристика. Авторы ее несомненно тесно примыкают к кругу литераторов, которые называли себя «новыми националистами» и переживали свой расцвет в годы предшествующие Гитлеру. К ним принадлежали: Веймелбург, Юнгер, Рейни, Гильшер, Шавеев, Эрнст фон Саломон и др. Все они участвовали в мировой войне и вудились тем, что были «фронтными связными»; позднее они были на Балтике, в Верхней Силезии, в Рурской области, служили в Черном рейдере и других добровольных корпусах, вообще чувствовали себя ланцкетниками. Политически они хотели лишиться старой вильгельмовской национализм его «патристическо-лирических орнаментов» и восстановить настоящую сущность «национального», которую они считали безуспешной противоположностью «либерализму» и «германскому социализму». Идеологически они все могут ссылаться на инстинктивную философию сверхчеловека, шпенглерскую критику культуры Запада, консервативную революцию Меллера и др. В Брук, христианство Вилера и теория государственного права Карла Шмита. Из этой краткой характеристики уже можно заключить об их неразрывном родстве с титлеровским фашизмом. Большинство «новых националистов» после прихода Гитлера к власти признали Третью империю, и многие, как например Веймелбург, Юнгер, Шавеев, Эрнст фон Саломон, и др., занимают «разнообразные» «патристические» посты.

Этот типичный путь, по которому должны идти фашистские писатели, — отказ от последних реалистических черт в творчестве, в котором остается только мещинско-романтический туман. Чем скорее они будут скатываться на этот путь, тем с большей уверенностью можно сказать, что судьба последней книги Саломона — последние его книг — будет та же, что и судьба остальных писателей этой категории, которые влились в массы до тех пор, пока они изображали ужасы войны, выступали против «ура-патризма» и прусской муштры и пытались «объединить» национализм и социализм. Личности всех «реалистических» и «критических» элементов оно вызывает несомненно обидный читатель.

Доказательством этому служат тот факт, что за последние годы всего лишь два романа написаны в рамках демократии и инстинктивного реализма: Альфред Каррш «Партизаны товарища Шмидке» и книга «Болотные люди» автора которой был якобы левым и описывает свою жизнь. Или еще другой пример: в последней книге «Калеты» Эрнст фон Саломона, бывшего ранее одним из главных представителей «реалистического» «нового национализма», нельзя найти ни малейшей критики времени Вильгельма, ни одного слова о каком-либо мнимом социализме.

Этот типичный путь, по которому должны идти фашистские писатели, — отказ от последних реалистических черт в творчестве, в котором остается только мещинско-романтический туман. Чем скорее они будут скатываться на этот путь, тем с большей уверенностью можно сказать, что судьба последней книги Саломона — последние его книг — будет та же, что и судьба остальных писателей этой категории, которые влились в массы до тех пор, пока они изображали ужасы войны, выступали против «ура-патризма» и прусской муштры и пытались «объединить» национализм и социализм. Личности всех «реалистических» и «критических» элементов оно вызывает несомненно обидный читатель.

Этот типичный путь, по которому должны идти фашистские писатели, — отказ от последних реалистических черт в творчестве, в котором остается только мещинско-романтический туман. Чем скорее они будут скатываться на этот путь, тем с большей уверенностью можно сказать, что судьба последней книги Саломона — последние его книг — будет та же, что и судьба остальных писателей этой категории, которые влились в массы до тех пор, пока они изображали ужасы войны, выступали против «ура-патризма» и прусской муштры и пытались «объединить» национализм и социализм. Личности всех «реалистических» и «критических» элементов оно вызывает несомненно обидный читатель.

ВОЕННО-ФАШИСТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЯПОНИИ

СЭКИ САНО

Во время автомобильной катастрофы погиб известный военно-фашистский публицист Синсак Хирата, автор антисоветского романа «Приближающаяся великая японо-русская война». Для военно-фашистской литературы это вторая большая потеря после смерти писателя Наоки, инициатора сближения литературы с фашизмом, автора знаменитого «Фашистского манифеста» и создателя первой в Японии фашистской литературной организации «Ицука-Кай» (Общество 5-го числа).

Недоверие народа к фашизму скрывается в том факте, что журнал «Сейнен-Тайпо» («Солнце молодежи»), орган «Общества культуры молодежи Японии», руководимый фашистски настроенным писателем Эйдзи Исикава, влечет жалкое существование, уменьшая тираж с каждым номером.

Но крупнейшие массовые журналы военно-фашистской пропаганды «Хиноде» («Восход солнца»), «Кин» («Кольцо») и др. продолжают регулярно печатать арко выраженные фашистские произведения. Правда, пока еще производятся, оправдывающие февральские события «как единственный выход Японии из настоящего кризиса и путь к ее расцвету», но ветрено предположить, что они будут.

Перед нами образец массовой фашистской литературы — недавно вышедшая из печати пьеса в 12 картинах некоего драматурга Иноуэ, под названием «За престиж государства на тему о пропаганде теории профессора Митобе, удалившей, с точки зрения военщины, достоинство императора. Она провозглашает «победу японского духа над научно-материалистической концепцией», проповедует, что современная Япония и ее народ могут быть спасены лишь через «яполизацию». «За престиж государственного строя» — пьеса сентиментальная, полная схематизма и примитивизма — представляет собой такую явную и к тому же бездарную агитку, что любой средний читатель, знакомый с ней, не сможет удержаться от смеха. Недаром на один театр не ставил ее будет ставить ее. Но в этой пьесе есть материал, который мог бы послужить для яркой революционной сатиры на японский фашизм.

Недавно вышел еще один «шедевр» Киоку Фукунага, известного публициста японского флота и автора романа «Будущая японо-американская война» — роман «Битва крыльями» — роман «Битва крыльями». В нем автор описывает «сражение крыльев» японской морской авиации, их «сверхзвуковые полеты» в будущей войне с «некоей враждебной Япония страной». Роман печатался в «Хиноде» почти в течение всего года и, по словам редактора журнала, пользовался якобы большим успехом у читателей. Но надо прямо сказать, что роману этому — трои цена, если говорить об его художественной стороне. Такая же скверная агитка, как и пьеса, о которой сказано выше.

Не следует, однако, забывать, что есть и серьезные фигуры в фашистской литературе. Первая — это генерал-майор Тюон Сакураи — военный публицист, слава которого берет начало еще во времена русско-японской войны 1904—1905 г. Он автор романа «Никудан» («Пущенное мясо») За «особое достоинство» этого произведения он, будучи тогда лишь лейтенантом, был принят императором Японии, что, конечно, мало отнесит в явлениям гонимым в Японии при существующем порядке при существующем порядке. Свой последний роман «Кровавый холм» сам автор рассматривает как продолжение «Пущенного мяса». «Кровавый холм» также печатался в «Хиноде», а потом вышел отдельной книгой с иллюстрациями автора. Роман фактически является воспоминаниями Тюон Сакураи о русско-японской войне и производит сильное впечатление на читателя, благодаря умению автора живо описывать события.

Вторая крупная фигура — известный писатель Мохидзо Курата, резко свернувший о пути гуманитарной литературы и вставший на позиции арко выраженного шовиниста-фашиста. После долготелого молчания он недавно опубликовал новый роман «Девушки родины». Это уже не тот автор, который вызывал десятков лет назад слезы на глазах молодежи и раскислыми любовными повестками и сказками. В романе описывается жизнь современных девушек в Японии, в частности жизнь студенток. Указывая на спускат марксистских тенденций за счет роста фашизма, автор старается доказать, что объектом мечтаний современной японской девушки стал галатный, вытопченный офицер, в то время как он «белый, красивый буржуа», ни «обремененный и грязный коммунист» не в состоянии пленить ее сердца. Апокалипсическое событие 15 мая 1932 г. (пелальный путч японской военщины, убийство премьер-министра Инукаи), Курата выводит участника путча в качестве героя — любовника одной из девушек. Явно ему симпатизируют, он одновременно изображает коммунистов как зверей и угнетателей человечества.

И все же лидеры японских военно-фашистских клин никак не могут успокоиться на этих «достижениях» в области литературы. Мацумото, бывший начальник департамента полиции при министерстве внутренних дел, создательный в свое время вместе с Наоки «Общество 5-го числа», в настоящий момент играет активнейшую роль в деле мобилизации литераторов и художников в ряды приверженцев военного фашизма, сторонников японского, по его мнению, организованного «Общества литературных бесед» («Бунгэй-копаккай»), объединяющего почти всех виднейших литераторов Японии с целью создания «подлинно японской» литературы. Он же — инициатор создания организации «Дай-Нихон-Эйге-Кюокай» («Кинообщество Великой Японии»). Теперь Мацумото задается целью создать аналогичное театральное общество.

Театральные коллективы, артисты, артистки, киноартисты, музыканты, как и прежде, посылаются военщины на фронт в Манчжурию и Северный Китай с тем, чтобы «развлекать и ободриет солдат». Все это делается под лозунгами «искусство — на службу отечеству», «за подлинно японского духа». Однако здесь, несмотря на то, что писатели и художники, которые не хотят служить своим творчеством такому отечеству, своим творчеством такому отечеству, каким является современная Япония, представляют себе, какой ужас пережили господи Мацумото, когда в созданном им «Обществе литературных бесед» в общем собрании членов общества, в присутствии самого господина Мацумото, было вынесено решение дать чуть ли не первую литературную премию молодому талантливому пролетарскому писателю Кенсак Симаги за его первый сборник рассказов «Горькая», на тему о жизни товарищей, томившихся в японских тюрьмах. Представьте себе глубокую печаль господина Мацумото, когда виднейший член общества крупный писатель Харуо Сато демонстративно покинул заседание в знак протеста против внесенного Мацумото предложения не выдавать премии пролетарскому писателю, обвинив: «Мне, как японцу, становится грустно за судьбу японского духа при мысли, что мы живем в такое время, когда нас атакуют и поддерживают японский дух, не считаясь с тем, что это почти невозможно». Возмущение г-на Мацумото должно было дойти до предела, когда он узнал, что Сато не ослушался.

Когда в 1934 году были ликвидированы организации революционного искусства и культуры, буржуазная пресса торжественно заявила о «полном поражении революционной культуры в Японии». Однако напрасно буржуазия радовалась.

Недавно создано «Независимое общество писателей», которое ставит своей задачей объединение только пролетарских, но и социал-демократических, нацистских и других писателей, готовых бороться против войны, фашизма и реакции. Помимо этого в Японии существуют «Литературный критик», «Литературный путеводитель», «Народная библиотека» и десяток других, на страницах которых продолжается борьба за свободу Японии, за освобождение народа от гнета империализма, и вы увидите, что чувство свободы живо среди работников литературы. С каждым днем среди литераторов растет внимание к деятельности Бюро международной ассоциации писателей в защиту культуры.

Мы ясно видим, что передовая культура Японии идет вперед, в ногу с японским народом, борющимся против всего против сторонников так называемого «обновления Слова» (так называют военщина свои авантюры), против кровавых банкетов в военной Японии, поджигателей войны, стремящихся вернуть японский народ в пучину новых бедствий.

ТАК ИЗ ЧЕЛОВЕКА ДЕЛАЮТ СОЛДАТА

Дм. Владиславский

В сопровождении командира ордена Бискурвенца и двух старых солдат вофранции, бесшабашно распевавшая песни, двинулись по направлению к крепости М, туда, где их должны были превратить в образцовых солдат Реши Посполитой.

«Каждый из нас ясно отдал себе отчет, что приближается момент большого значения, момент полного разрыва с прошлым и начало чего-то нового, иного».

Ореди новобранцев был и молодой польский писатель Алопф Рудинский, вытеснивший в 1933 г. книгу «Солдаты» — воспоминания о своем пребывании в казарме. Молодые люди: Вагниский, Заклицкий, Ризенберг, Топрек и другие, шагая по пыльной дороге, пытались представить свое будущее, и оно казалось им, светлым и легким, но во всяком случае весьма почетным. Да они и попытались стать защитниками отечества — польскими солдатами, которые знают, во имя чего и против кого будет направлено смертоносное оружие. Залорный и шумный Цезонский всю дорогу придался к Бискурвенцу, уверяя утир-офицера, что «военная служба для него бездельца, что он любит армию и т. д.».

Рудинский Алопф. «Солдаты». Перев. с польск С. Михайлович-Штерн. М. Гослитиздат, 1936 г., стр. 156, ц. 2 р., тир. 10.000. Ред. О. Резник.

Advertisement for anti-fascist posters. Text: 'THE ENEMY IS AT HOME', 'WAR ON THE WARMAKERS!', 'ELECT DELEGATES TO YOUTH CONGRESS AGAINST WAR & FASCISM', 'SHEFFIELD CITY HALL AUGUST 4-5-1932', 'АНГЛИЙСКИЕ антифашистские плакаты', 'Слева: Плакат английского анонимного художника, призывающий избирать делегатов на всемирный конгресс борьбы против войны и фашизма: «Враг дома. Война значимикам войны». Справа: Плакат английского анонимного художника «Против фашизма и войны».

Advertisement for anti-fascist posters. Text: 'I AM AGAINST FASCISM AND WAR', 'SHOREDITCH TOWN HALL (8 APRIL - 7-10 MAY 1935)', 'JOHN GOLLAN'.

